

Долгоиграющая Селдь, или Удача Журавля

Жила-была селёдка. На самом дне колодца. Ты, может, переспросишь: «Где-где она жила?». А я тебе отвечу: «На самом дне колодца. Глубокого-глубокого. И тёмного-претёмного. Засохшего. Забытого. Замёрзшего колодца. Вот там она жила». Наверно, ты ужасно удивишься и, может быть, воскликнешь: «Но как она туда попала?». А я тебе скажу: «Да кто же его знает! История молчит». Известно, впрочем, что селёдка жила не так уж плохо: спала по семь часов, обдумывала что-то, хихикала порой, питалась тем, что люди по незнанию в колодец тот намеренно или случайно бросят. А люди, между прочим, туда бросали мелочь, обёртки от конфет, пакетики от чая, надкушенные яблоки и слойки без изюма, а также бутерброды, в которых нет прослойки с майонезом, нет сыра с помидором, нет масла или пасты. Такие бутерброды, как правило, выбрасывали дети. А бедная селёдка за ними подъедала. Живя на дне колодца, не станешь привередничать в еде. Селёдка умилялась, заведя в темноте завернутую в белую бумагу ещё целёхонькую ромовую бабу. Ей даже нравилась, особенно по вторникам, её простая и размеренная жизнь.

Но вот однажды - очевидно в сентябре - селёдку стало что-то угнетать. Избыток слишком сложных углеводов или отсутствие бактерий, которые относятся к полезным, - признаться, достоверно не известно, но ей как будто надоело просто ждать: а что сегодня сбросят люди к ней на дно? Возможно, ей хотелось выбирать. А может, с кем-то поболтать. Или связать зелёный шарф на время холодов, а ниток подходящего оттенка в её колодце было просто не сыскать... А впрочем, если б и нашлись, как разглядишь в такой-то темноте, что цвет и вправду хвойный, оливковый, бутылочный, достойный и довольный? Селёдка хмурилась, сутулилась, вздыхала. Порой она шептала что-то, но что конкретно - трудно разобрать. Селёдка медленно и верно умирала. Ей было только сорок пять: она ещё не знала, что этак можно долго умирать. Спустя полвека ей немного полегчало. И шесть последних лет своей тоскливой жизни она, смирившись, провела почти волшебным образом: безопасно и легко, не утруждая себя мыслями о страшном, не реагируя на то, что сверху падало на дно... В конце концов, селёдка умерла. Уединенно так, счастливо. А свой колодец завещала журавлю. Ты, верно, спросишь: «Как? Кому?». А я отвечу: «Так. Ему». Ты, верно, удивишься: «Откуда ему знать про старую селёдку? Да и зачем колодец нужен журавлю?». А я тебе скажу: «Наверно, в этом кроется загадка. Загадка века. И селёдки. А что до журавля, то вряд ли он когда-нибудь узнает, что стал единственным наследником и правообладателем глубокого-глубокого и тёмного-претёмного, засохшего, забытого, замёрзшего, но, в общем-то, чудесного колодца».